



НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 165.12

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ПРОДУКТ ИСТОРИЗМА

И.И. АЛЕСИН*Воронежский
государственный
университет**e-mail: ialesin@mail.ru*

В статье обосновывается идея аксиоматической связи историзма и исторического сознания. Рассматривается генезис понятия «историзм» в контексте европейской философии истории, в том числе абсолютизация историзма. Высказывается идея о человеке как историческом существе, которая постигается в контексте нравственного смысла истории.

Ключевые слова: историзм, историческое сознание, историческое познание, историческая эпистемология, смысл истории, память, традиция, духовное бытие.

В последнее время повысился интерес к вопросам истории и исторического сознания. Центральной категорией является понятие «историзма», которое трактуется и в рамках исторической эпистемологии и в контексте духовно-нравственных смыслов истории.

В контексте историзма как основополагающего метода исторического познания разрабатываются основные категории философии истории, такие как историческое сознание и смысл истории. Важно увидеть отличия в трактовках этих понятий, принятых в рамках истории как строгой науки, и, собственно, философского взгляда на историю как на форму духовного бытия человека.

Прежде всего, следует привести свидетельство одного из самых значительных исследователей историзма – крупного немецкого историка и философа истории Ф. Мейнеке, сказавшего, что «... возникновение историзма было одной из величайших духовных революций, пережитых европейской мыслью»¹. В своей работе он изображает возникновение и развитие историзма, показывает его значимость. Сама работа во многом противостоит тому негативному отношению к историзму, которое было характерно для европейской философской культуры в начале XX века.

Идея органического развития, становления, изменения, составляющая внутреннюю сущность историзма как такового, показана Ф. Мейнеке на примере огромного исторического материала, охватывающего большие периоды и множество имен и концепций. Восприятие индивидуального протекания событий и явлений требовало нового, как говорит Мейнеке, «нового органа чувств», которым и явилось историческое сознание – продукт открытия индивидуального измерения в исторических событиях.

Во многом *связь историзма и исторического сознания* представляется аксиоматической. В работе М. А. Барга «Эпохи и идеи: становление историзма» речь идет об «историзме самого исторического сознания». В исследовании показано тождество этих двух понятий, образующих самосознание человека европейской культуры. Само историческое сознание ученый определяет как «фундаментальную мировоззренческую характеристику

¹ Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М., 2004. – С. 5.

культуры любой эпохи»: «В своем генезисе историческое сознание – это становление различия и связи времен в материальной и духовной культуре каждой данной человеческой общности, которая является в то же время условием исторической устойчивости носителя этой культуры»².

Интерпретируя идеи М. А. Барга, современный ученый дает такое определение историческому сознанию: «Историческое сознание любой эпохи, соединяющее актуальное настоящее с прошлым и будущим, выступает как одна из важнейших и существенных характеристик ее культуры и соответственно определяет присущий ей тип историописания («тип исторического письма») и схему организации накопленного исторического опыта («тип историзма») в их неразрывном единстве»³.

Таким образом, *историческое сознание – продукт историзма*, в то время как *сам историзм есть результат исторического самосознания*. Однако, здесь нет логического круга; просто раскрыта фундаментальная взаимосвязь этих понятий. Для более глубокой и детальной экспликации этой взаимосвязи рассмотрим основные метрики понятия «историзм» в его наиболее общих теоретических реконструкциях.

При всем различном понимании самого понятия историзм, можно отметить важное его свойство, которое выделил М. А. Барг, указав на то, что «суть категории «историзм» составляет идея развития во всех областях человеческого знания вообще и в науках о человеке в частности»⁴. Эту мысль разделяют многие исследователи. Так, например, И. Т. Касавин определяет идею историзма как «направленной, ориентированной изменчивости»⁵. Здесь раскрыто два принципиально важных аспекта историзма: его *направленность* и *изменчивость*, которые являются атрибутами *развития*. Это наделяет идею и принцип историзма универсальными характеристиками. В этом смысле историзм – это «способ мыслить феномены социума как становящиеся, как преходящие и как развивающиеся». Соответственно, историзм, согласно исследователю, выстраивается на трех идеях: на идеях *генезиса*, *финализма* и *развития*, которые соответствуют определенным историческим эпохам (античность, средние века, Новое время).

Важные смысловые акценты в понятие историзм вносит А. Ф. Лосев. Философ говорит о *чистом историзме*, который определяется как «такое понимание жизни, когда отдельные ее моменты представляются чем-то небывалым и уникальным, когда мыслится та или другая цель и направленность исторического развития и вообще когда историзм является повествованием о чем-то неповторимом»⁶.

В этом контексте необходимо указать на работу выдающегося немецкого философа Эрнста Трёльча «Историзм и его проблемы» (1922), в которой дана многомерная реконструкция проблемного поля всех важнейших течений западноевропейской историко-философской мысли. Важным является то, что Трёльч отделяет «дурной историзм», ставший причиной кризиса исторического мышления от позитивного историзма. Последний, наряду с натурализмом он определяет как «два великих научных творения современного мира», не известных античности и средневековью.

Сущность историзма определяется Трёльчем как «принципиальная историзация нашего мышления о человеке, его культуре и ценностях»⁷. Такая «коренная историзация нашего знания и мышления» имеет свой генезис: «Историзация медленно следовала в XVIII веке за натурализацией или, скорее математизацией мышления и поднялась над давлением практической необходимости вместе с современным государством и задачами его самопонимания и самооправдания, чтобы затем мощно возрасти вместе с романтикой и принципиально определить современное мышление, более того, чтобы в виде общего понятия развития втянуть в свою орбиту и картину природы. Она стала ведущей силой мировоззрений»⁸.

² Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. М., 1987. – С. 8.

³ Решина Л.П. Память и историописание // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. – С. 17.

⁴ Барг М.А. Там же. С. 3.

⁵ Касавин И.Т. Традиции и интерпретации: Фрагменты исторической эпистемологии. СПб., 2000. – С. 9.

⁶ Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977. – С.19.

⁷ Трёльч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. – С. 82.

⁸ Трёльч Э. Там же. С. 16.



Историзм в понимании Трёлча является детерминантой современного мышления.

Таким образом, можно увидеть, как *идея историзма*, появившаяся в результате эмпирических наблюдений и аналитических обобщений относительно жизни людей в прошлом, становится *универсальным принципом* истолкования сущности всех процессов, происходящих как в социальном мире, так и в мире природных явлений. Здесь можно говорить об *абсолютизации историзма* как основополагающего научного метода вообще.

Исходя из этих определений, мы можем дать собственную дефиницию историзма: *Историзм есть универсальный принцип развития, предполагающий изменчивость и направленность к чему-то уникальному и охватывающий большинство известных социальных процессов, существовавших и существующих в мире.*

Такая идея историзма, претендующая на универсализм, является основанием для абсолютизации, прежде всего, истории, исторических процессов. Это не безосновно, поскольку история – одна из наиболее значимых для человеческого бытия явлений. Не случайно, М. Блок, сказал, что «греки и латиняне, наши первые учителя, были народами-историографами»⁹. Исторические парадигмы пронизывают все интеллектуальное полотно всего самосознания европейской культуры. При этом важно учитывать различие в воззрениях на историю, сформировавшиеся в рамках научного позитивного мышления и в рамках философской рефлексии.

Основные понятия философии истории разрабатывалось значительным количеством как *философов*, осмысляющих историю, так и *историков*, выходящих на философские обобщения. Очевидна генетическая связь исторического сознания с историей, философская рефлексия над которой приводит к повелению такого важного ее проявления как историческое сознание.

Представляют интерес размышления В. В. Розанова, далекого от позитивизма, об *универсальной значимости истории*. Приведем некоторые его размышления на этот счет. В статье «Место христианства в истории» он так говорит о значимости истории: «Между всеми науками, предметом изучения которых служит человек, история имеет преимущество общности и цельности. Религия, право, искусство, нравственность – все это в освещении других наук является разрозненным, обособленным; история же изучает эти сферы человеческой деятельности в живой связи»¹⁰.

Это очень важные слова, раскрывающие *методологические* и *онтологические* параметры истории как науки; это живая связь всех видов человеческой деятельности. Тем самым показывается возможность нахождения смысла истории – того, чем и занимается философия истории. Далее философ, разворачивая свои идеи, показывает исторический *универсализм* и *персонализм* истории. Он полагает, что история в отличие от других наук тем, что последние изучают свой предмет без «постоянной мысли о человеке». В итоге В. В. Розанов приходит к утверждению такой фундаментальной константы истории как *план истории*, в котором указана «генетическая связь между всеми сферами человеческого творчества» и раскрыта возможность «сознательной жизни». Это позволяет говорить о *всемирной истории*, в которой реализуется достоинство человеческих целей.

Таким образом, у В. В. Розанова представлен практически весь теоретический инструментарий, необходимый для дальнейших построений в рамках философии истории. Но самое главное, что он раскрывает *высокую значимость истории* для человека, которая имеет как положительное значение, так и негативное, поскольку представляет собой материал для различных абсолютизаций, в том числе и научной абсолютизации в рамках детерминизма исторического процесса. Это нам необходимо в качестве мировоззренческого стресса для собственных исследований.

Среди выдающихся западных философов особое место принадлежит Вильгельму Дильтею, который во многом способствовал введению во всеобщее употребление термина «историзм» для обозначения универсального метода «наук о духе». «Историчность» в его толковании – это особая духовная составляющая, пронизывающая всецело человеческий мир. Сам же человек является историческим существом. Дильтей пишет, что «я – вплоть до непостижимых глубин моей самости – являюсь историческим существом. Тем

⁹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. – С. 6.

¹⁰ Розанов В.В. Место христианства в истории // Религия и культура. Т. 1. М., 1990. – С. 23.

самым появляется первый важный момент для решения проблемы познания истории: первое условие возможности исторической науки – то, что я сам являюсь историческим существом. Тот, кто исследует историю, является в то же время и ее творцом»¹¹.

Таково фундаментальное значение истории для человека как духовного существа.

Значительная часть работ, принадлежащих к философии истории, выполнены в жанре *апологии истории*. В первом ряду здесь труд выдающегося французского историка Марка Блока «Апология истории». В ней речь идет о проблеме целесообразности, оправданности исторической науки. Это в полном смысле защита и оправдание истории перед лицом различных вызовов историческому знанию, как духовных, так и интеллектуальных. Это, во многом уникальный труд, раскрывающий одновременно и многие особенности самой истории, а также трудности, возникающие в работе профессионального историка.

Ученый дает живой образ науки, в основе которой реальная жизнь людей во времени. Он пишет: «За зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за самыми, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет увидеть людей. Кто этого не усвоил, тот, самое большее, может стать чернорабочим эрудиции. Настоящий же историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечиною, там, он знает, его ждет добыча»¹².

Это своеобразный методологический принцип, более того – кредо подлинного историка, который озабочен тем, чтобы вскрывать «живую плоть» прошлого, а не доводить до читателя сухую теоретическую информацию. М. Блок последовательно рассматривает такие важные для исторической науки проблемы как «историческое время», «границы современного и несовременного», возможности понимания прошлого и настоящего, историческое беспристрастие, «разнообразие фактов и единство сознания» и др. Все это значительно видоизменяет традиционную методологию исторического исследования и расширяет дисциплинарные границы истории как науки. В результате перед нами складывается образ живого исторического прошлого, который и интересен и важен для современников.

Намного раньше М. Блока английский философ и политический деятель Болингброк в своих «Письмах об изучении и пользе истории» высказал ряд принципиальных мыслей об истории в апологетическом духе. У него можно найти достаточно аргументированные *философские основания историзма*. Прежде всего, он высказывает мысль о том, что «любовь к истории» коренится в человеческой природе. «Любовь к истории кажется неотделимой от человеческой природы, потому что она неотделима от любви к самому себе. Именно эта первопричина влечет нас вперед и назад, в будущее и к прошлым векам»¹³. Это, так сказать, *антропологическое основание истории*, претендующее на то, что история может быть наиболее универсальным средством познания духовной жизни людей.

Примечательна его трактовка истории в духе Дионисия Галикарнасского о том, что «история – это философия, которая учит нас с помощью примеров». Это возможно потому, что историческое познание, согласно Болингброку, является вообще основой человеческого познания как такового. Он пишет: «как опыт освещает настоящее, а настоящее позволяет нам предугадывать будущее, так история имеет дело с прошлым, а зная о том, что было, мы можем лучше судить о том, что есть»¹⁴.

Болингброк говорит о том, что мы должны извлекать из истории «философские уроки». В этом главная *польза истории*, поскольку человечество, считает Болингброк, есть «безграмотная и неразмысляющая толпа», которая нуждается в просвещении философией. Но такой философией, которая соответствовала бы канонам здравого смысла и не уводила бы от реальных образов и идей в сторону фантазий и шарлатанства.

В ряду наиболее значительных авторов, посвятивших свои труды раскрытию фундаментальной значимости истории, несомненно находится английский философ Р. Дж. Коллингвуд. Ему принадлежит всестороннее и глубокой рассмотрение предмета

¹¹ Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе. М., 2004. – С. 331.

¹² Блок М. Там же. С. 18.

¹³ Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. – С. 10.

¹⁴ Болингброк. Там же. С. 28.



истории, в ходе чего раскрывается ее важность для человека. История трактуется им как *самопознание духа*; в этом ее сущность. Будучи попыткой ответить на вопрос о человеческих действиях, совершенных в прошлом, история способствует человеческому самопознанию. В этом смысле представление о свободе человеческого действия появилось лишь благодаря открытию истории. «Познание самого себя означает познание того, что вы в состоянии сделать, а так как никто не может знать этого, не пытаясь действовать, то единственный ключ к ответу на вопрос, что может сделать человек, лежит в его прошлых действиях. Ценность истории поэтому и заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал, и тем самым – что он собой представляет»¹⁵.

Здесь синтез этических, антропологических, культурно-познавательных и духовных свойств, которые раскрываются благодаря истории. Это есть ничто иное, как апология истории.

Несомненно, что в определяющей идее Р. Дж. Коллингвуда о том, что «всякая история – история мысли», содержится основание для гносеологической трактовки исторического сознания. История, мышление, принципы мышления становятся однопорядковыми явлениями в его концепции. Коллингвуд пишет: «Исторический процесс сам по себе есть процесс мысли, и он существует лишь в той мере, в какой сознание, участвующее в нем, осознает себя его частью». Это своеобразное кредо гносеологических оснований исторического сознания. Развивая эту мысль, Коллингвуд дальше пишет: «Мысль существует только в историческом процессе, процессе мысли, а исторический процесс является историческим лишь в той мере, в какой он познается нами как процесс мысли»¹⁶. Тем самым устанавливается фундаментальное *тождество исторического процесса и процесса мысли*.

Акцент на самосознание в определении истории имеет место и у немецкого философа К. Ясперса, у которого представлена многомерная рефлексия на тему смысла истории с ситуации духовного кризиса эпохи (о чем мы скажем во второй главе). Философ пишет: «История – это одновременно происходящее и его самосознание, история и знание истории»¹⁷. Историческое самосознание, таким образом, вписано в структуру человека как исторического существа.

Французский философ и социолог, основатель критической философии истории Р. Арон уделяет серьезное внимание анализу смысла исторического процесса. В том числе, в сферу его исследований входит анализ исторического сознания. Прежде всего, философ говорит об общечеловеческих измерениях исторического сознания. Каждое общество имеет свое историческое сознание, потому что оно не может не иметь представлений о том, что такое человечество, нация, прошлое, будущее. В этом смысле историческим сознанием обладают греки, китайцы и индийцы, которые не верили в прогресс, и у которых, естественно не было никаких научных знаний о прошлом. Но это коренным образом отличается от того, что называется историческим сознанием европейцев XIX и XX вв. Философ считает, что историческое сознание – это европейское изобретение, поскольку именно они дали индивидам сознание о своем прошлом.

Здесь картина выглядит таким образом. Арон выделяет три элемента исторического осознания европейцев:

- осознание диалектики между традицией и свободой;
- стремление постигнуть реальность или истинность прошлого;
- чувство того, что связь между социальными организациями и творениями рук человеческих не является случайной или не имеющей значения связью, но что она касается самого главного для человека¹⁸.

Таким образом эти три элемента (свобода, прошлое и смысл) в совокупности образуют фундаментальную структуру исторического сознания. Еще раз подчеркнем, что Арон считает, что историческое сознание, предполагающее научное знание о прошлом, –

¹⁵ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории : Автобиография. М., 1980. – С. 14.

¹⁶ Коллингвуд Р. Дж. Указ. соч. С. 216, 217.

¹⁷ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. – С. 243.

¹⁸ Арон Р. Избранное: Измерения исторического сознания. М., 2004. – С. 56.

это открытие европейцев, плодами которого пользуются просвещенные японцы и китайцы в интерпретации своего прошлого.

Инвариантное ядро исторического сознания в трактовке Арона концентрируется вокруг прошлого, точнее вокруг возможностей *познания прошлого*, поскольку, как он говорит: «познание прошлого – это способ освободиться от него». Можно сказать, что здесь имеет место выход за пределы рациональной эпистемологии, поскольку историческое сознание – это не осознание исторической необходимости, но стремление к свободе и смыслу, то есть к собственно человеческим, экзистенциальным параметрам его бытия.

Такая трактовка исторического сознания явно имеет духовные и нравственные измерения, поскольку Арон стремится понять конкретного человека в истории во всей совокупности его замыслов, настроений, экзистенциальных переживаний. Но он нигде открыто не говорит об историческом сознании как о нравственной ценности. Это связано скорее всего с тем, что в западноевропейской моральной философии имеет место несколько иное понимание нравственности, нежели в традициях отечественной философии.

Таким образом, историческое сознание в данном понимании является всего лишь рефлексивным механизмом, вписанным в целостную структуру познавательного процесса и не имеющего собственных автономных нравственных функций и свойств.

Относительно появления понятия «историческое сознание» в качестве категории философии истории в отечественной гуманитарной науке следует сказать следующее. Одно из первых упоминаний об историческом сознании в отечественной науке советского периода произошло в сборнике «Философские проблемы исторической науки» (1969). В нем приняли участие такие видные советские ученые и философы как А. Я. Гуревич, А. В. Гулыга, В. Ф. Поршнев, А. И. Ракитов, И. С. Кон, П. П. Гайденок и др. В статье Ю. А. Левады, которая так и называется «Историческое сознание и научный метод» дана многомерная реконструкция понятия «исторического сознания». Примечательно то, что ученый отмечает, что это понятие не часто рассматривается в отечественной научной литературе. Гораздо больше исследований посвящается историческому знанию. Данную работу Ю. А. Левады можно рассматривать как первое и серьезное преодоление этой ситуации.

Основным механизмом функционирования исторического сознания является, *осознание прошлого*. Ю. А. Левада определяет это следующим образом: «Этим понятием [историческое сознание] охватывается все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознано (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее – в которых общество воспроизводит свое движение во времени»¹⁹. Важным для нас является аксиологический акцент – оценка обществом своего прошлого. Ученый полагает, что в каждую эпоху историческое сознание представляет собой определенную систему взаимодействия «практических и «теоретических» форм социальной памяти, народных преданий, мифологических представлений и научных данных.

Историческое сознание выступает моментом общественного сознания наряду с такими его формами как правовая, нравственная, национальная и т. д. Но главное, что отличает историческое сознание от всех остальных форм, считает Ю. А. Левада, это введение измерения *времени* в плоскость человеческого отношения к наличной действительности. В этом контексте устанавливается связь между историческим сознанием и *памятью*, а само историческое сознание рассматривается как один из элементов памяти общества.

Таким образом, время и память являются главными компонентами структуры исторического сознания. Для нас важно констатировать, что научная историческая мысль называет эти понятия в качестве основных. Среди большого количества работ, посвященных *прошлому*, выделяется исследование Д. Лоуэнталь «Прошлое – чужая страна», в котором представлены разнообразные аксиологические аспекты проблемы. Автор дает фундаментальную трактовку *прошлому*: «Гордимся мы им или отвергаем, помним его или игнорируем, прошлое вездесуще»²⁰.

¹⁹Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. – С. 191.

²⁰Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004. – С. 11.



Таким образом, реконструкция исторического сознания показывает многомерность понятия, которое выражает, однако стойкую совокупность инвариантных значений, в которых формируется представление о человеке как историческом существе. Это присуще как позитивистским, в том числе марксистским трактовкам, так и идеалистически (например, неокантианским) и герменевтическим интерпретациям этого феномена.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Существует аксиоматическая связь историзма и исторического сознания, которая сформировалась в контексте становления научного мышления.
2. Историзм является важнейшим выражением научной рациональности, универсальным методом рациональной философии, в основании которого принцип развития.
3. Основания для историзма как абсолютизированного отношения к истории заложены в трудах, принадлежащих к жанру «апологии истории», поскольку в них раскрываются антропологические, философские, духовно-культурные аспекты истории как таковой.

Список литературы

1. Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М. : Росспэн, 2004. – 478 с.
2. Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. М. : Мысль, 1987. – 348 с.
3. Решина Л.П. Память и историописание // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Решиной. М. : Кругъ, 2006. – С. 19-47.
4. Касавин И.Т. Традиции и интерпретации: Фрагменты исторической эпистемологии. СПб. : РГХИ, 2000. – 320 с.
5. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М. : Наука, 1977. – 207 с.
6. Трельч Э. Историзм и его проблемы. М. : Юрист, 1994. – 719 с.
7. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М. : Наука, 1986. – 256 с.
8. Розанов В.В. Место христианства в истории // Религия и культура. Т. 1. М. : Правда, 1990. – С. 22-47.
9. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе // Собрание соч.: В 6 т. Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 3. – М. : Три квадрата, 2004. – 419 с.
10. Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М. : Наука, 1978. – 360 с.
11. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории : Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд ; Пер., коммент. Ю.А. Асеев. М. : Наука, 1980. – 485 с.
12. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Республика, 1994. – 527 с.
13. Арон Р. Избранное: Измерения исторического сознания. М. : РОССПЭН, 2004. – 528 с.
14. Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки / отв. ред. А.В. Гулыга, Ю.А. Левада. М. : Наука, 1969. – 320 с.
15. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь. СПб. : Владимир Даль, 2004. – 623 с.

HISTORICAL CONSCIOUSNESS AS A PRODUCT OF HISTORICISM

I.I. ALESIN

Voronezh State university

e-mail: ialesin@mail.ru

The article explains the idea of axiomatic connection between historicism and historical consciousness. The paper investigates the genesis of the concept of "historicism" in the context of the history of European philosophy, including absolutisation of historicism. Here is expressed the idea of man as a historical being, to be grasped in the context of the moral sense of history.

Keywords: historicism, historical consciousness, historical knowledge, historical epistemology, the meaning of history, memory, tradition, spiritual being.